

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

На правах рукописи

ЛАРОВСКАЯ ИРИНА ГЕОРГИЕВНА

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДНЕВНИК И ЕГО МОДИФИКАЦИИ
/ На материале творчества Макса Фриша /

10.01.05 - Литература стран Западной Европы,
Америки и Австралии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев - 1992

00816107 (N)

Робота виконана за кафедрою зарубешной литературы
Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор К. А. Шахова

Официальные оппоненты - академик АН Украины,
доктор филологических наук
Д. В. Затонский;
кандидат филологических наук
П. В. Рыхло

Ведущая организация - Дрогобычский педагогический
институт

Защита состоится " " _____ 1992 г. в ____ час. на
заседании специализированного совета Д 016.35.03 по присужде-
нию ученой степени доктора филологических наук при Институте
литературы им. Т. Г. Шевченко АН Украины /252001, г. Киев,
ул. Грушевского, 4 /.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

Автореферат разослан " " _____ 1992 г.

Учений секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

О. И. Гайничеру

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В современном литературном процессе заметно активизировалось обращение писателей к подлинным документам, к живым фактам действительности, что, в свою очередь, привело к возникновению новых жанровых структур, вобравших в себя признаки и особенности разных, уже существовавших ранее, художественных и документальных жанров. В этих неканонических структурах не только переплетаются в нерасторжимом единстве, но и чередуются в определенном порядке автобиографическая правда и художественный вымысел, встроены в хронологической последовательности подлинные дневниковые записи или относящиеся к разным временным пластам воспоминания о прошлом. В истории литературы подобное сближение с нелитературными формами наблюдалось не единожды. Но никогда оно еще не было таким тесным, длительным и массовым, как теперь. Для этого процесса есть серьезные основания. В первую очередь, он связан с изменением повествовательного угла зрения, наметившегося с середины 60-х годов и приведшего к такому типу повествования, характерными проявлениями которого становятся усиление субъективного начала, преимущественный интерес к индивидуальной судьбе автора, его личности. Эта тенденция связана и с наметившимся в нашем веке изменением функции самой литературы, отказывающейся от просветительски-морализаторского начала и отстаивающей осмысляюще-обобщающую функцию, стимулирующую читателя к раздумьям, сопереживаниям.

Следует отметить, что наряду с интеллектуализацией и лиризацией прозы в художественном процессе последних 30-ти лет наметились тенденции, приведшие к размыванию границ жанров, возникновению совершенно новых жанровых образований, которые не укладывались в канонические рамки определений. Этот процесс литературоведы окрестили "гибридизацией жанров" или "разгерметизацией канонических структур".

Однако, говоря о тенденции слияния жанров, большинство литературоведов обходит роль дневника писателя в этом процессе. А ведь литература обогащается и благодаря активному функционированию писательского дневника и различных его модификаций, а также благодаря проникновению писательского дневни-

ка в традиционно беллетристические формы - роман, повесть, рассказ. Мы являемся свидетелями того, как рождаются свободные от жанрового консерватизма, обновленные, сформированные по законам дневникового жанра художественно-документальные структуры. Это явление представляется вполне закономерным. В последнее время читателя все чаще привлекает личность самого писателя, его жизненная позиция, его человеческий и нравственный опыт. Писательский дневник и является своего рода визитной карточкой писателя, позволяет проникнуть в творческую мастерскую художника. Однако долгое время дневник рассматривался как "нелитературная форма", играющая вспомогательную роль, являясь своего рода "сырьевым материалом" для создания собственно художественных произведений. Такое отношение к дневнику писателя привело к тому, что проблема функционирования писательского дневника в современном литературном процессе редко становилась предметом детального литературоведческого исследования и является одной из малоизученных в современном литературоведении, что и определяет актуальность данного исследования.

Сложность исследуемой проблемы во многом определяется самой спецификой писательского дневника, объединяющего произведения высокого искусства и просто заметки по случаю, строгую документалистику и книги, стирающие грань между дневником и романом. Это привело к тому, что в ряде критических работ жанровое поле дневника значительно расширилось, а в других - наметилась тенденция к более строгому отбору материала. В данном случае абсолютизировалось неотъемлемое свойство традиционного дневника - документальность. Именно поэтому эта часть литературоведов вывела за рамки писательского дневника произведения, в которых присутствует вымысел, используются приемы, традиционно закрепленные за беллетристикой. Однако ни предельное расширение жанрового поля писательского дневника ни его сужение до книг строго документальных не привело к выявлению границ и художественных возможностей этой жанровой формы. Неоднозначность в постановке проблемы, противоречивость выводов, пестрота исследуемого материала, наблюдаемые в целом ряде работ по этому вопросу, свидетельствуют о том, что он ставился на материале писательских дневников, но решался постаточно однобоко, без учета функционирования различных дневниковых модификаций. В данном

диссертационном исследовании предпринята попытка взглянуть на писательский дневник под несколько иным, нестандартным углом зрения, что позволяет избавиться эту жанровую форму от стереотипов в оценке ее роли и места в литературном процессе.

До недавнего времени отечественные и зарубежные литературоведы мало занимались дневниковым наследием писателей в теоретическом плане. Из исследований последних лет, посвященных этой проблеме, можно выделить работы Н. Б. Ганк, Л. Я. Гинзбург, Д. В. Затонского, Э. В. Карлина и И. С. Янской, М. Г. Соколянского, А. Г. Тартаковского.¹ В немецком литературоведении эта проблема исследована в монографиях Р. Кизера и М. Юргенсена,² которые, однако, сконцентрировали свое внимание на анализе лишь одной из дневниковых модификаций - на литературном дневнике. В данном исследовании дневник писателя представлен в трех модификациях, что существенно расширяет представление о функционировании этой жанровой формы в литературах Германии, Австрии и Швейцарии. Дневники же известного швейцарского писателя М. Фриша предлагают особенно щедрый материал для иллюстрации сделанных в работе теоретических выводов и обобщений. Изучение научной и критической литературы, посвященной различным аспектам творчества М. Фриша, убеждает в том, что дневники писателя исследованы недостаточно, хотя они обладают самостоятельной художественной ценностью, как изложение взглядов писателя на творчество, как отражение многолетних духовных исканий крупного романиста и драматурга. Нерассмотренной оказалась по настоящему времени эволюция дневниковой формы в

1 Ганк Н. Б. Нить времени : Дневники и записные книжки советских писателей. - М. : Сов. писатель, 1978. - 248 с. ; Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. - Л. : Сов. писатель, 1971. - 468 с. ; Затонский Д. В. Сплетение жанров // Жанровое разнообразие современной прозы Запада. - К. : Наук. думка, 1989. - С. 4-58. ; Янская И. С., Карлин Э. В. Препьелы постонерности : Очерки документальной литературы. - М. : Сов. писатель, 1986. - 432 с. ; Соколянский М. Г. Западноевропейский роман эпохи Просвещения : Проблемы типологии. - К. : Одесса : Виша школа, 1984. - 140 с. ; Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. - М. : Мысль, 1967. - 222 с.

2 Kieseer R.M. Frisch : Das literarische Tagebuch. - Stuttgart : Huber, 1975. - 166 S. ; Jurgensen M. Das fiktionale Ich : Untersuchungen zum Tagebuch. - Bern : Francke, 1979. - 304 S.

творчестве писателя. Недостаточно теоретически обобщена в отечественной критической литературе и интереснейшая жанровая новация в творчестве М. Фриша - литературный дневник. В связи с этим представляется интересным вопрос о соотношении факта и вымысла в различных дневниковых модификациях, что позволяет исследовать процесс вхождения документального начала в канву художественного произведения.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые в отечественном литературоведении предпринят всесторонний анализ дневникового творчества М. Фриша, представленного в трех модификациях - традиционный, "литературный" и "вымышленный" писательский дневник, с выделением идейно-содержательных и структурных особенностей каждой из названных форм, проявляющихся на уровне исходной жанровой установки. Писательский дневник исследуется в контексте истории немецкоязычной литературы, а именно дневникового творчества современных писателей Германии, Австрии и немецкой Швейцарии.

Цель и задачи исследования. Целью данной диссертационной работы является установление жанрообразующих и художественных параметров трех дневниковых модификаций, проблем их функционирования в современном литературном процессе, исходя из эстетических возможностей каждой жанровой формы. Исследование осуществляется на примере творчества М. Фриша, в котором представлены все жанровые модификации писательского дневника.

Основными методами исследования являются типологический и конкретно-аналитический подходы, с привлечением работ отечественных и западных литературоведов по теоретическим проблемам немецкоязычной литературы, вопросам эстетики и поэтики художественного произведения.

Практическое значение диссертации состоит в том, что общие результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы при чтении вузовских лекционных курсов по теории литературы и истории литератур немецкоязычных стран, при теоретическом осмыслении проблемы функционирования мемуарно-автобиографических жанров в современной литературе.

Апробация работы. Материалы диссертации докладывались на заседаниях кафедры зарубежной литературы факультета романо-германской филологии Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, на конференциях молодых ученых КГУ в 1986 и 1987 годах. По теме диссертации опубликована одна и депонировано две статьи.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 270 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, отмечается его научная новизна и практическая ценность.

Глава 1. Писательский дневник и его модификации. Писательские дневники все настойчивее заявляют о себе. Они все чаще появляются на страницах главных разделов литературно-художественных журналов, выходят отдельными книгами. Серия "Художественная публицистика", обратившаяся к дневникам, письмам, эссе, записным книжкам писателей, приобретает все больший круг читателей. Все это симптоматично для нашего времени, очищающегося "памятью-совестью". Ведь большинство дневников, опубликованных в настоящее время, например, дневники В. Винниченко, М. Драй-Хмары, В. Г. Короленко, К. И. Чуковского, Романа Роллана, пришли к читателю лишь благодаря тем переменам, которые происходят в нашем сознании и нашем обществе. В последнее время отношение к писательским дневникам меняется не только со стороны литературоведов. Свой взгляд на дневник пересматривают и сами художники слова. Из "подсобного хозяйства", "записных чемоданов", "кладовой заготовок" дневники все чаще превращаются в "жанр разговора о себе", в "главную книгу писателя", воплощая в современной литературе пафос духовно богатой, мыслящей личности. Мы являемся свидетелями того, как изменяются функции, назначение дневника. Он перестает служить только узко профессиональным целям, все чаще выступая своеобразным мостом, формой общения писателя с окружающим миром. Подобные писательские дневники нередко соче-

тают в себе лирические раздумья, рассуждения о писательском труде, каркасы будущих произведений, жанровые сценки, небольшие вставные новеллы, притчи, порой даже стихотворные строки. Подобная синтетичность современных писательских дневников привела к тому, что писатели по-разному называют "свои детища": "лирические записи", "тетради", "отрывки", "монолог", "листочки календаря". Такая пестрота названий, избранных самими писателями, лишней раз свидетельствует о неоднозначности понятия "дневниковая литература", подводит к необходимости проведения более четких демаркационных линий, более тонкой графации внутри самого понятия "писательский дневник".

Со времени античности произведения историко-биографической прозы традиционно относились к нехудожественной литературе. Коренной перелом произошел в эпоху Просвещения в результате появления целой серии произведений, написанных в форме дневника, в которых, однако, широко использовались средства и приемы художественной прозы. Этот факт дает право М. Г. Соколянскому утверждать, что "дневник как литературный жанр зародился в Англии в период Реставрации"¹. Распространение дневниковой формы в европейской литературе XVIII века связано и с господством в тот период в литературах многих стран Европы художественного течения - сентиментализма, для которого характерно стремление представить человеческую личность изнутри, во всей гамме ее мыслей, чувств и настроений.

Изначально дневник представляет собой записи разрозненно-го характера, т.е. с точки зрения композиции в них нет единства. Они бессюжетны, в них отсутствует общая перспектива событий. В основе такого дневника лежит сугубо хронологический принцип, здесь происходит как бы нанизывание событий на стержень календаря. Не случайно прародителями этой формы принято считать настенный отрывной календарь, ежедневную газету, различные профессиональные журналы /например, вахтенный/.

Таким образом, традиционный дневник - открытая форма, так как автор не знает, как будут развиваться дальше то или иное

¹ Соколянский М. Г. Западно-европейский роман эпохи Просвещения : Проблемы типологии. - К.; Одесса : Вища школа, 1983. - С. 27.

событие, ситуация, образ. В традиционном дневнике иной характер типизации, чем в художественной литературе: не обобщение многих явлений и лиц в одном образе, а значительность и правдивость вывода, сделанного как бы "по свежим следам". В отличие от близких к дневнику мемуаров, где мемуарист владеет уже всем материалом, автор подобного дневника стремится отреагировать на сиюминутные впечатления.

В дневнике необычайно велика роль того, что мы узнаем об авторе: ведь из всех "персонажей" он наиболее глубоко и полно открывает прежде всего себя, свою душу, свои воззрения, свои переживания. В этом преимущественном интересе к личности автора — особенность дневниковой прозы и одна из главных специфических трудностей дневникового повествования, так как оно требует от писателя особой искренности и правдивости, предельной объективности к самому себе и к событиям, воспроизводимым авторской памятью. Другими словами, образ автора является интегрирующим началом, стержневым компонентом дневниковых записей. Образ автора, по сути, документален, так как всепело базируется на конкретном биографическом материале, рассказ ведется о событиях, действительно происшедших, участником которых был автор дневника. Особая роль в создании атмосферы подлинности принадлежит речевому стилю традиционного дневника. Специфика речи в данной жанровой модификации, как правило, максимально приближена к разговорной форме, отличается простотой и незамысловатостью словесных структур. Однако образ автора несет в себе и некое ядро художественности, так как зачастую события, фиксируемые автором дневника, снабжены своеобразным авторским комментарием. Таким образом, традиционный дневник — документален, хотя в нем присутствует беллетристический элемент, проявляющийся на уровне авторских отступлений и ремарок.

Дневник писателя вырастает на почве повышенного интереса к факту. Однако дневник не требует широких исторических обобщений. Он остается правдивым в узких рамках, уступая художественным жанрам в степени типизации жизненной правды. В ходе работы над диссертационным исследованием было установлено,

что традиционный дневник обладает следующими параметрами. Пространственно-временные рамки традиционного дневника строго очерчены. События, представленные в нем в хронологическом порядке, зачастую значительны своей злободневностью и отражают непосредственную реакцию автора на них. Налицо полное совпадение авторского "я" с "я" рассказчика, фактографическая точность при отборе и компоновке событий, пропущенных сквозь призму авторского сознания, другими словами, осуществляется принцип "единой точки зрения".

Однако необходимо заметить, что дневник писателя - явление далеко не однородное. Это попытался доказать немецкий литературовед Р. Кизер, введя в литературный обиход термин "литературный дневник". По мнению Р. Кизера, литературный дневник - наиболее современная литературная форма общения писателя со своим читателем, так как изначальная целевая установка литературного дневника - это читатель, для которого и задумывается литературный дневник. Особенностью подобного дневника является то, что в нем не выдержан принцип дневниковой композиции, т.е. нарушен принцип хронологии. Тем самым, писателем осуществляется принцип избирательности памяти для реализации своей авторской концепции. Позиция автора, трактующая происходящее в критически-вопросающей форме, располагает читателя начать разговор с писателем, приглашает к сораздумью, к соразмышлению. Таким образом, в традиционном писательском дневнике фигура автора выполняет функцию наблюдателя, хрониста, в литературном - роль интересного собеседника и интерпретатора событий. Но и тот и другой, по сути, произведения документально-художественные, так как изложение событий осуществляется в них по законам документальной литературы.

Писательский дневник так или иначе эстетически организован. Но в традиционном дневнике эстетическое начало присутствует в зачаточной, едва себя обнаруживающей форме, в то время как в литературном дневнике оно проявляет себя настолько явно, что уже допустимо говорить об эстетической организации, т.е. о вхождении в сферу художественности. Главной особенностью литературного дневника является его открытость и нацеленность на читателя. Именно такой взгляд на дневник прев-

ращает его из закрытого личного документа в публичное явление литературы.

Литературный дневник — многослойная жанровая структура, складывающаяся обычно из реального, эссеистического и вымышленного пластов, которые существуют параллельно, не сливаясь в одно целое. В литературном дневнике ярко выражено эссеистическое начало, так как он богат откликами на актуальные политические события, на прочитанные книги, увиденные спектакли, т.е. декларирует эстетически значимое крепко писателя.

Однако в современной литературе помимо этих двух модификаций писательского дневника существует и третья, по сути художественная форма, в которой писательское "я" достигает той степени типизации и обобщения, когда оно превращается в художественный образ. В центре такого произведения стоит обычно фигура писателя, но художественно-обобщенная, беллетризованная. Отсутствие идентичности "я" писателя с авторским образом подобной художественной структуры создает ту необходимую дистанцию, тот отстраненно-критический взгляд, который позволяет оценить события как бы со стороны, подвести некоторые предварительные итоги. Обычно это книги зрелых мастеров, итоговые по сути. В процессе самоизображения автор дает оценку себе и своей прожитой жизни. В ходе создания такого словесного автопортрета осуществляется перестройка авторского "я", открывается путь к театральности, актерству, перевоплощению. Здесь, как при создании любого художественного образа, присутствует определенная доля вымысла, которая находит свое выражение либо в подчеркнутой романтизации и облагораживании авторского "я", либо в его дегероизации и обнажении. И та и другая тенденции, в конечном счете, зависят не только от авторской воли, от желания или нежелания автора обнажать затаенные уголки своей души, от объективной и честной оценки себя и своего творчества, но и от велений времени, требующих на определенных исторических этапах зашифрованности, завуалированности своей авторской позиции, т.е. создания системы аллюзий для претворения своего авторского сознания. По форме подобные произведения часто строятся по законам дневникового жанра, однако в них происходит процесс объединения многослойной

структуры литературного дневника в линейную структуру художественного сюжета, что и определяет, в конечном счете, принадлежность подобных жанровых структур к художественной литературе. В диссертационном исследовании они обозначены рабочим термином "беллетризованный дневник".

• Таким образом, писательский дневник представлен в данном исследовании в трех модификациях. Если в первых двух модификациях речь идет о документально-художественных произведениях, то третья - произведение художественное. Различие между первыми двумя модификациями заключается в преобладании документального или художественного начал в дневниковых записях, в творческой установке писателя на полноту. В вымышленном дневнике авторское "я" постигает высокой степени беллетризации, становясь художественным образом, а дневниковое повествование превращается в искусно сконструированный сюжет, который подчиняется не столько законам документализма, сколько прихотливому движению фантазии писателя. Подобная классификация, конечно, не претендует на полноту, однако помогает взглянуть на писательский дневник как на явление неоднородное и установить параметры различных дневниковых модификаций.

Глава 2. Эволюция дневниковой формы в творчестве М. Фриша.

Дневники М. Фриша - неотъемлемая часть его биографии, его литературного труда. В них запечатлена неустанная работа мысли писателя, его нравственно-этические искания, его жизненное и творческое кредо. Тематика дневников М. Фриша - разнообразна. Это интересные наблюдения за окружающей действительностью, за людьми, путевые заметки, раздумья на общественно-политические, философские и этические темы. По мере расширения жизненного и писательского опыта его дневники претерпевают существенные изменения. С годами они становятся лабораторией его философской и художественной доктрины, начинают ориентироваться на читателя. Элементы личного, интимного характера либо уходят на задний план дневниковых записей, либо художественно осмысляются автором, т.е. из летописи фактов и событий личной жизни дневники превращаются в рассуждения и обобщения социально-нравственного характера. Писатель не

удовлетворяется общепринятыми объяснениями, он проверяет, продумывает, исследует явления общественного, нравственного, философского характера, подходя к ним со многих сторон, оставляя за читателем право на окончательность выводов.

Стиль дневников М. Фриша несет на себе печать его художественной индивидуальности, его личности. Прежде всего бросается в глаза фрагментарность, мозаичность структуры дневниковых записей, лаконичность в изложении основных мыслей, рассуждений, впечатлений автора. Однако за краткими конспективными записями почти всегда скрыты глубокие нестандартные мысли писателя. Там, где автор дает волю своему творческому воображению, мы встречаемся с тонкими наблюдениями за людьми и природой, с мастерскими портретами художников слова, лаконичными, но выразительными бытовыми зарисовками, выдержанными в живых разговорных интонациях.

Форма дневника нашла в творчестве М. Фриша наиболее полное воплощение, вскрыв латентные художественные возможности структуры, которой долгое время отказывали в праве именоваться жанром литературы. Первый дневник М. Фриша датирован 1935 годом и носит название "Маленький дневник немецкого путешествия". М. Фриш фиксирует, на первый взгляд, самые разные впечатления от своего посещения Германии, которые оставили след в его памяти. Но это — произвольность мнимая. Факты подобраны искусно для подтверждения мысли об антигуманности фашистского режима. Дневник Фриша — это приговор национал-социализму, иронически-горькая констатация факта духовного оскудения немецкой нации, опьяненной идеей мирового господства. "Маленький дневник немецкого путешествия" — это путевой дневник со всеми атрибутами традиционного дневника.

Дальнейшее развитие дневниковая форма в творчестве М. Фриша получила в вышедшей в 1940 году книге "Листки из вещевого мешка", представляющей собой традиционный по форме дневник, описывающий непродолжительное пребывание в армии молодого писателя в начальный период второй мировой войны.

Однообразное, не богатое событиями пребывание на границе в ожидании незримого, как бы абстрактно существующего против-

ника - таков внешний событийный стержень дневника. Однако внешний пласт соединен с внутренним - психологическим, который и составляет глубинную доминанту дневникового полотна. Личные впечатления и переживания писателя перемежаются с философскими рассуждениями о войне и месте Швейцарии в ней, о долге и повиновении. Размышления Фриша приводят его к мысли об абсурдности любой войны, приводящей к бессмысленной гибели людей.

К осмыслению своего военного опыта Фриш вернулся много лет спустя в "Солдатской книжке". "Но тот же материал по-прежнему под иным углом зрения - с позиций другого времени, когда автор отдален от пережитого более чем тремя десятилетиями, и это существенно меняет прошлое"¹. Зрелый писатель, ощущая недосказанность первого литературного опыта, пытается по-новому осмыслить события тех лет и те нравственные ценности, которые в юности, не оспариваясь, принимались на веру, а теперь, из дня сегодняшнего, воспринимаются как гипертрофированно приукрашенные, а иные и просто ложные. "Солдатская книжка" - это тоже дневник, но дневник литературный, обобщающий по своей сути. М. Фриш оценивает себя в постоянном движении времени со строгостью и взыскательностью, дарованными зрелостью. Писатель как бы перечитывает свою жизнь в контексте времени, общности с судьбой своей страны. Переосмысление событий тех лет - это способ выразить свое отношение к окружающему миру, обратиться со своими мыслями к читателю. Удаленность от описываемых событий во времени и накопленный писателем за многие годы фактический материал об участии Швейцарии в войне создаст ту необходимую дистанцию, которая позволяет взглянуть на роль "нейтральной страны" не из гущи событий, а как бы со стороны, сознательно избегая тех сугубо личных воспоминаний, которые в контексте времени потеряли свою актуальность. Так, взгляд "изнутри", отличающийся непосредственностью суждений, восторженностью и юношеским пафосом защитника суверенитета страны в "Листках из вещевого мешка", сменяется взглядом "извне" в "Солдатской книжке" - отстраненным, поланным с временной дис-

¹ Павлова Н. С. Предисловие // Фриш М. Листки из вещевого мешка - М. : Прогресс, 1987. - С. 7.

танции, обретающим необходимую объективность суждений и мнений. Самообличение, переосмысление своей прежней позиции приводит писателя к нравственно выверенной позиции честного западного интеллигента.

Стало чем-то обычным разламывать определение "документально-художественный" на две враждебные части. При этом "документальное" воспринимается как безоговорочно постоверное, а "художественное" - как от начала до конца вымышленное. Однако есть произведения, и к ним относятся литературные дневники М. Фриша, где сама реальность текста протестует против раздвоения на "факт" и "вымысел", где, напротив, их нераздельность - неперемное условие правильного восприятия и осмысления написанного. Они как бы на стыке документальности и художественности, но документальность в данном случае самостоятельного значения не имеет, а входит в художественное, наподняв его соками.

Идея литературного дневника наиболее полно реализовалась в двух дневниковых циклах М. Фриша: в "Дневнике 1946-1949" и "Дневнике 1966-1971". В работах отечественных литературоведов Ю. Архипова, Д. Затонского, Н. Павловой, В. Седелника, И. Фрадкина¹, посвященных творчеству М. Фриша, немало места отведено рассуждениям о дневниковых циклах швейцарского писателя.

"Дневник 1946-1949" состоит из трех взаимосвязанных пластов: реального, эссеистического и беллетризованного, собственно литературного. Первый включает впечатления М. Фриша от поездок по странам Западной Европы в первые послевоенные годы, от встреч с известными писателями Б. Брехтом и А. Цоллингером, а также рассказ о строительстве бассейна, ведущегося по архитектурному

¹ Архипов Ю. И. В поисках утраченного единства // Фриш М. Пьесы. - М. : Искусство, 1970. - С. 514-573; Затонский Д. В. Сплетение жанров // Затонский Д. В., Денисова Т. Н., Уваров Ю. П., Оленева В. И. Жанровое разнообразие современной прозы Запада. - К. : Наук. думка, 1989. - С. 4-58; Павлова Н. С. Предисловие // Фриш М. Листки из вещевого мешка. - М. : Прогресс, 1987. - С. 5-24; Седелник В. Д. Открытие действительности, поиски героя : Швейцарская литература в 70-е годы // Вопр. лит. - 1982. - № 2. - С. 112-140; Фрадкин И. М. Вопросы М. Фриша : У истоков творчества // Литература Швейцарии : Очерки. - М. : Наука, 1969. - С. 244-301.

проекту Фриша. Второй - это рассуждения писателя о психологии литературного творчества, о месте художника в обществе, соотношении искусства и политики, о театре и лирике. Третий - собственно литературный, соткан из беллетристических и сценических фрагментов - притч о Марион и андоррском еврее, фрагментов пьесы "Граф Элерманн", киносценария "Арлекин" и т. д. Он как бы приоткрывает завесу над творческой мастерской писателя, являясь тем источником, из которого автор черпает проблематику своих будущих драматических и прозаических произведений. Все три пласта неотделимы друг от друга, представляя, как бы в разрезе, процесс творчества, переплавляющего по законам литературного жанра личные впечатления, переживания и размышления писателя в наброски его будущих произведений.

Однако при всей многослойности дневника можно выделить две доминирующие темы, которые охватывают все многоголосье дневника: это тема войны и ее последствий для стран Европы и тема творчества в ее нравственном, гражданском и социальном аспектах. Именно они составляют внутренний нерв повествования, его главную тему. Но Фриш не столько клеймит фашизм, сколько пытается разобраться в причинах, приведших страну на грань катастрофы. Его интересует нравственный аспект, он исследует механизм превращения человека в преступника, вершащего зло. Тревоги Фриша-гражданина неразрывно связаны с тревогами Фриша-художника. В "Дневнике 1946-1949" автор постоянно возвращается к вопросу о соотношении искусства и нравственности, культуры и политики. Конкретно-историческим материалом для решения этой проблемы становится феномен германского фашизма. В сознании Фриша фашизм ассоциируется с нравственной деградацией личности, оскудением духа, моральной шизофренией. Писатель, по мнению Фриша, прежде всего гражданин. Его гражданская позиция определяет, в конечном счете, эстетическую значимость его творчества.

Примером подлинной духовности, высокого интеллекта для М. Фриша является Б. Брехт. В одном из интервью, говоря о Б. Брехте, М. Фриш сказал: "Он был для меня Мастер... Он был

одной из важнейших фигур в моей жизни".¹ Образ Б. Брехта, пожалуй, единственный цельный и завершенный художественный образ дневника, а творческий метод новатора немецкой сцены является тем художественным ориентиром, который позволяет разобратся в пестроте дневникового полотна, которое подчинено законам эпического театра Б. Брехта. Но, в отличие от Б. Брехта, который считал, что читателя необходимо заставить задуматься над изображаемой действительностью, М. Фриш стремится, чтобы читатель разобрался, прежде всего, в самом себе. М. Фриш не устает моделировать различные варианты поведения человека, стремящегося скрыться либо раскрыться в одной из множества ролей, которые он выбирает в определенный момент своей жизни. Нельзя не заметить известную родственность позиции Фриша популярным на Западе идеям экзистенциализма. Однако под влиянием Брехта в творчестве Фриша тезис "свободного выбора", тезис о выходе из общечеловеческого мира стереотипов и штампов в мир "экзистенциальной свободы" получил более расширительное толкование, переместившись в плоскость социального действия.

К писателям, оставившим след в душе М. Фриша, относятся и швейцарский писатель А. Цоллинггер. Творчество писателя привлекало Фриша своей полемичностью, "самокритичным швейцарским патриотизмом" и глубиной мысли. Таким образом, в "Дневнике 1946-1949" намечена та литературная традиция, которой он верен и которая складывается из "космополитизма" Б. Брехта и швейцарского патриотизма А. Цоллингера. Именно она позволила М. Фришу, по словам немецкого литературоведа Т. Ленгборна, "преололеть рамки швейцарского провинциализма".²

Можно говорить о том, что "Дневник 1946-1949" - этапное произведение в творчестве М. Фриша. Именно в этот период он осознал себя художником слова и обрел свое призвание. Не случайно после выхода в свет этого дневникового цикла он навсегда оставил архитектуру и посвятил себя литературе.

¹ Фриш М. О литературе и жизни, о Брехте и о себе. // Лит. газ. - 1985. - 7 авг. - С. 15.

² Lengborn T. Schriftsteller und Gesellschaft in der Schweiz : Zollinger-Frisch-Dürrenmatt. - Frankfurt am Main : Athenäum, 1972. - S. 214.

В новом дневниковом цикле, в "Дневнике 1966-1971" Фриш как бы восстанавливает связь, прерванную плавать лет назад. В нем много общего с его предшественником. И здесь, как в "Дневнике 1946-1949", все дневниковое полотно искусно соткано из факта и вымысла. И в новом цикле отражены впечатления писателя от поездок по странам Европы, Америки и Ближнего Востока. Вновь присутствуют литературные портреты духовно близких ему людей: Е. Грехта, Ф. Дюрренматта и Г. Грасса. Однако новый цикл дневников значительно отличается от предыдущего своей политической заостренностью. Фришу важно воссоздать ту политическую неоднозначную обстановку, в которой создавался "Дневник 1966-1971". Это был период войны во Вьетнаме, период вторжения войск в Чехословакию, активизации молодежного движения в странах Западной Европы. Художественное осмысление политических аспектов человеческого бытия М. Фриш осуществляет с помощью четырех лопросов, острых диалогов между условно смоделированными оппонентами, в ходе которых обсуждаются проблемы насилия и контр-насилия, войны и мира, студенческих волнений 1968 года, современного экстремизма. В "Дневнике 1966-1971" Фриш прибегает к совершенно оригинальной литературной форме - психологической анкете. Разнообразная тематика анкет, "опросных листов", альтернативность в постановке вопросов, их психологически тонко сконструированная очередность отвечают стремлению Фриша познать человека до затаенных глубин. При этом писатель остается верен самому себе. Он исследует прежде всего моральную сторону поведения человека в обществе. Последняя анкета начинается с вопроса, который полнимает очень важную для Фриша проблему - страха перед смертью и связанную с ней проблему угасания человека. Размышления на эту тему предстают в "Дневнике 1966-1971" в виде рекомендаций членам некоего "Общества престарелых и стареющих людей" под символическим названием "Добровольный уход из жизни". К ним обращены его тонкие наблюдения и горькие размышления над тягостным процессом угасания человека. Обобщенный образ "старости" неоднократно появляется в беллетристических фрагментах дневникового цикла. Однако причина предельного отчуждения личности в обществе, по мнению Фриша, не только результат чисто физиологических процессов, происходящих в организме стареющего человека, но и влияние

социального контекста, которое с годами лишь усиливается. Но эти этюды из жизни – не рассказы в обычном смысле слова. Это скорее зарисовки, наброски с натуры. В их незаконченности, отсутствии "новеллистической закругленности" заключена возможность развернуть содержание вглубь, прилать ему обобщающий, универсальный смысл. Форма литературной зарисовки, художественного фрагмента выступает в "Дневнике 1966-1971" в качестве главного художественного приема писателя. Можно поспорить с М. Фришем о его недоверии к эпическому произведению с завершённым сюжетом, но нельзя отрицать и продуктивности фрагмента, предоставляющего читателю возможность участвовать в процессе творчества.

Художественным экспериментом писателя в "Дневнике 1966-1971" является использование четырех различных способов типографской печати, что создает оптическую картину взаимопроникновения реального и вымышленного пластов, их влечения в замкнутую структуру литературного дневника.

Процесс беллетризации "я" писателя постигает своей кульминации в повести "Монток". Детальному анализу повести "Монток" посвящено диссертационное исследование И. Галиной.¹ Повесть "Монток" – это дневник писателя, сохранивший все главные признаки литературного дневника: фрагментарность, многоплановость, направленность на читателя. Но есть у новой книги Фриша и существенное отличие от прежних дневниковых циклов, в которых художественные и реальные пласты сосуществовали как бы параллельно, не сливаясь в одно целое – общий сюжет. В "Монтоке" это слияние осуществляется. Вымысел и реальность, причудливо переплетаясь, превращаются в историю жизни современного писателя, становясь литературным вариантом биографии М. Фриша. "Монток" по сути своей – лирический эксперимент, книга размышлений, попытка стареющего писателя переосмыслить наиболее драматические эпизоды собственной жизни, хотя и в этот "сугубо интимный мир" врываются актуальные для того вре-

¹ Галина И. В. Макс Фриш – путь к "Монтоку" /публицистика, дневники, романы/ : Автореф. дис. ...канд. фил. наук. – Л., 1990. – 21 с.

меня политические события: Уотергейтское дело, отставка В. Гранта, отношение швейцарских властей к эмигрантам из Чили. Но не они составляют психологически насыщенный канву повествования. Книга о том, что пережил сам автор, и что, выплескиваясь в отдельных эпизодах и темах его прежних романов, сложилось и вылилось в нервные строки о павших болях, которые особенно дают о себе знать в минуты душевного накала. Как, например, в момент встречи с молодостью в лице юной американки Линн, обостряющей чувства и обнажающей физическое старение. Именно такая душевная обнаженность располагает к исповеди. Сознывая недоговоренность своего повествования о настоящем, Фриш создает два повествовательных плана, перемежая две повествовательные структуры. "Я" - М. Фриш без маски, не отказывающийся от ответственности. "Он" - стареющий писатель, тревожно вглядывающийся в себя и с тоской фиксирующий неумолимые симптомы старости. Объективно честным к себе нынешнему писатель быть не может, поэтому эпизоды с Линн на Лонг-Айленде полны эпически отстраненно, в третьем лице. Именно в строках, посвященных американской журналистке, Фриш лицепалствует, а вся история мимолетного увлечения не лишена определенной доли сочинительства, литературности, которая порою сбивается на мелодраму. Таким образом, М. Фриш в "Монтоке" выступает одновременно и автором и персонажем своего произведения. Познание действительности через самопознание, субъект и объект прозы в одном лице - такова художественная задача, которую решает Фриш в своей исповеди. Подобная художественная техника не нова. Ее широко использовали представители "нового романа". К ней обращаются и современные немецкие писатели, например, Г. Э. Носсак, Г. Белль, К. Вольф, М. Вальзер.

Таким образом, вымышленный писательский дневник строится по законам художественного произведения. Автор, выступая закодированно, опираясь на факты собственной биографии, пытается подвести определенные итоги, поразмыслить с читателем о "времени и о себе". Подобные произведения характеризуются огромной интеллектуальной силой, размышляющий характер которой порождает известную сюжетную ослабленность. Однако в подобных произведениях в основе сюжета - не конфликт характеров, а борьба героя с самим собой, осмысление себя в потоке

жизни. Итак, "Монток" - художественное произведение, мистификация дневника американского путешествия М. Фриша, вымышленный дневник, но это не повесть в традиционном смысле слова, а скорее размывание канонической модели этой жанровой формы.

В Заключении резюмируются основные положения диссертации.

В результате анализа дневникового творчества писателей немецкоязычных стран, основываясь на критических работах отечественных и зарубежных литературоведов по данной проблематике, автор диссертации пришел к следующим выводам:

1. Дневник писателя не только не потерял своей актуальности в современном литературном процессе, но и получил дальнейшее жанрово-художественное развитие.

2. Распространение формы дневника в современном литературном процессе обусловлено процессом субъективизации художественной литературы, повышением интереса читателя к личности самого писателя, его судьбе, его внутреннему миру.

3. Дневник писателя не одномерное явление, он функционирует в современном художественном процессе в трех модификациях: традиционный, литературный и беллетризованный /вымышленный/ писательские дневники.

4. Помимо собственно дневника и его модификаций, широкое распространение в современной художественной литературе получили беллетризованные произведения, написанные в форме дневника или использующие дневник в качестве одной из композиционных структур.

5. Форма дневника во всех его модификациях нашла художественное осмысление в дневниковой прозе и романах М. Фриша. Однако, разрушая каноническую манеру повествования, обращаясь к фрагментарной, разомкнутой манере письма, Макс Фриш продолжал лучшие реалистические традиции швейцарской литературы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

1. Характерные особенности лирической реалистической прозы ФРГ 70-х годов // Востник КГУ. - 1989. - № 23. -

С. 114-116.

2. Эволюция дневниковой формы в творчестве М. Фриша // Исследования по зарубежной литературе нового и новейшего времени. - К., 1991. Деп. в УкрНИИЛТИ, рег. № 1306 от 01.10.91г., 9 с.

3. Повесть "Монток" М. Фриша : К вопросу о беллетризации писательского "я" // Исследования по зарубежной литературе нового и новейшего времени. - К., 1991. Деп. в УкрНИИЛТИ, рег. № 1306 от 01.10.91г., 6 с.

О. Фриш

467001

36 25.559

АВ 25.559

Подписано в печать 26.05.92 Формат 60x84 1/16
Усл.печ.л. 0,9 Уч.изд. 1,0
Тираж 100 Заказ 410 1992 г. Бесплатно

Полиграф. уч-к Ин-та истории Украины АН Украины
Київ І. Грушевського, 4

~~282~~